Комната Скиннера

Уильям Гибсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Миру хватает собственных проблем. Никого не беспокоит, что знаменитый сан-францисский мост «Золотые ворота» захвачен бездомными отбросами общества. Комната Скиннера — на седловине кабеля первого пилона…

- Уильям Гибсон
  - ○

Уильям Гибсон
Комната Скиннера

На Хэллоуин она оказывается на верхних этажах старого отеля, который одной стороной выходит на Гири, место обитания тендерлойнских каннибалов, а другой — на большие склады. Она стоит, прижавшись щекой к холодному стеклу, так, чтобы видеть ближайший пилон моста, — тот, где комната Скиннера, — в честь праздника освещенный факелами и карнавальными фонарями.

Несмотря на то, что мост так далеко, его вид успокаивает её даже здесь, среди этих иностранцев, которые перебрали чего-то, чем теперь тошнит в ванной одного из них. Неожиданно чьи-то холодные пальцы прикасаются к её голой коже чуть выше джинсов, потом проскальзывают под край скиннеровой куртки и под свитер. Она вздрагивает, но не из-за внезапности прикосновения, а из-за того что внезапно поняла насколько ей жарко в парнике, который она создала, наглухо застегнув молнию куртки. Её куртка была такой древней, что локти уже стали гладкими как замша. Во время танца в блеске металла: колец, молний и пятиконечных звезд — она нашла большим пальцем на ноже выемку в лезвии, открыла нож и закрыла. Клинок не длиннее её мизинца, формой напоминает голову птицы, глаз который — та самая выемка. И сам клинок, и рукоять сделаны из матовой нержавейки, из неё ещё делают тяжелые вилки, такие, с тремя аккуратными зубьями. Кончик лезвия зазубрен. Такой нож можно носить на поясе, ремне или за голенищем.

Юноша, скорее это даже мальчик, подмигивает ей. Он не мог видеть нож, но он почувствовал угрозу в жестах и потому отдергивает руку. Он резко отступает назад, мрачно ухмыляясь, и опускает маленькую сигару влажным концом в появившийся откуда-то бокал с чем-то прозрачным.

— Я праздную, — говорит он и вынимает сигару.

— Хэллоуин?

Он явно имел в виду не это. Глядя сквозь неё он, выпускает струю сизого дыма вверх, под высокий потолок люксового номера. Опускает сигару. Облизывает свои губы.

— Я живу здесь, — произнес он, — в этом отеле, уже сто пятьдесят дней.

Он тоже в кожанке, но она не похожа на скиннерову. Она из какого-то животного с тонкой шкурой и висит как тяжелый шелк цвета табака. Она вспоминает запах пожелтевших журналов в комнате Скиннера. Среди них есть такие старые, что на картинках

видны только оттенки серого. Иногда так с моста видится город. А не найдет ли она это животное в одном из журналов?

— Мне нравится этот отель, — он ещё раз обмакнул сырой конец сигары в бокал.

Она неуклюже раскрывает нож и закрывает его об бедро. Он моргает, когда слышит щелчок ножа. У него проблемы с концентрацией: «Сто пятьдесят дней».

За его спиной она видит остальных, валяющихся на огромной кровати. Кожаная одежда, кружева, белая кожа, светлая хна. Звуки из ванной становятся громче, но их как будто не слышат. Она сует нож обратно за пояс, во влажное тепло куртки Скиннера. Она пришла сюда, чтобы понять, но нашла лишь полную безысходность, деградацию души. Это сильно смущало её душу и разум. Может именно из-за этого она потела так, что от неё шел пар…

Они приехали на двух такси «Мерседес», пьяные и веселые, а она случайно пристала к их компании, её пыльная черная куртка затерялась в калейдоскопе шелковых чулок, кожаных жилетов, мехов, ботинок с блестящими как бриллианты шипами. Пройдя мимо швейцаров одетых в форму с шитьем и противогазы, она попала в высокий мраморный холл с ковром, зеркалами, натертой мастикой мебелью, бронзовыми дверями лифта и урнами с песком.

— Сто пятьдесят дней, — произносят его вялые, влажные губы, — в этом отеле.

Под хаосом новых построек, возникшим в основном благодаря углеродному волокну, можно увидеть контур самого моста. Там где основа моста проржавела насквозь, она дополнена почти прозрачным материалом, по прочности заметно превосходящим сталь, кое-где куски этого материала закреплены заметным издалека черным углеволокном, в других местах — временно привязаны туго натянутыми ржавеющими проводами.

Постройки, возникшие позднее появлялись по очереди, без какого-то плана, с использованием самых разных материалов и техник. Бесформенное нечто, возникшее в итоге, смотрится очень органично.

Ночью мост, освещенный рождественскими фонарями, неоновым светом и факелами притягивает бессонных и недовольных. Днем из небоскребов, если забыть об окружающей обстановке, мост кажется похожим на развалины пирса Брайтон последнего десятилетия прошлого века.

Последнее время бедро уже не позволяло Скиннеру одолевать первые несколько метров лестницы, и поэтому он не мог пользоваться подъемником, который Африка приварил к

усеянной заклепками стали пилона. Все что он мог — смотреть на него сквозь люк в полу. Он напоминал желтую пластиковую корзину сборщика вишни, разъезжающую вверх и вниз на рельсе, как маленький вагончик фуникулера. Скиннер восхищается создателем этой комнаты, этой коробки из десятка слоев еловой фанеры, усаженной на трос как на насест и гудящей от ветра. Пол комнаты — два слоя досок, поставленных на бок, выложенных в изящный узор и сбитых вместе, который он уже не виден полностью: толстый трос, сплетенный из 17464 жил, каждая толщиной с карандаш, прорезает комнату посередине.

Маленький телевизор-раскладушка, стоящий на тумбочке накрытой одеялом, продолжает показывать свое немое шоу. Его принесла девушка. Может быть, она его украла. Он никогда не включал звук. Постоянная смена картинок на экране напоминала ему движения рыб в аквариуме и, как ни странно, успокаивала его. Это жизнь. Он помнит, что когда-то у него ещё получалось отличать рекламу от телепередач.

Его комната квадратная, площадью около 25 метров, стены из фанеры, покрытые, для мягкости, наверное, дюжиной слоев латексной краски. Он думает, что 17464 жгутов имеют больший коэффициент отражения, чем алюминиевая фольга. Факты. Сейчас он часто ощущает каналом, через который выходят факты, факты и лица, без какой-то связи.

Его вещи, начиная с пальто, которое ему не идет, висят вдоль стены на крючках, приколоченных через равные интервалы. Девушка носит его куртку. Левис Лэзерс Грейт Портланд Стрит. Ей интересно, что старше — она или пальто. Она сидит, свернувшись, её босые, бледные ноги лежат на ковре, который Скиннер принес из разрушенного офисного здания, разглядывая картинки в «Нэшнл Географик».

Вспышки воспоминаний похожие на картинки на мониторе. Она приносит ему еду, делает ему кофе, качая старый щербатый примус Колеман. Напоминает открыть окно, вскрывает японские консервы из тех, что нагреваются, когда ты тянешь за ушко. Она задает вопросы. Кто построил мост? Все. Нет, она говорит, сам мост? Сан Франциско, — отвечает он. Металлический скелет, украшенный висящими тросами. Сколько ты тут живешь? Годы. Она кормит его едой из походного котелка, сделанном в 1952.

Это его комната. Его кровать. Пенопласт, покрытый сверху овечьей шкурой, под которой лежит химическая грелка. Окно круглое, витражное, каждый кусочек своего цвета. В центре, сквозь круглое желтое стекло можно увидеть город.

Иногда он вспоминает, как эта комната строилась.

И остов моста, и многожильные тросы теряются в гуще

наросших поверх тату салонов, тиров, аркадных залов, слабо освещенных лотков с нераспроданными остатками мужских журналов, дешевых баров, нелицензированных медиков, лотков с пиротехникой, закусочных, тотализаторов, суши баров, ломбардов, торговцев пирожками, домов свиданий, продавцов хотдогов и тортилий, китайских фермеров, винных лавок, травников, хиромантов, парикмахерских, магазинов скобяных изделий и баров.

Это чудо предпринимательства выросло прямо на проезжей части. Над все этим, у пилонов воздвигнуты серьезные барьеры, там реализуются самые причудливые желания. Там обитают никем не считанные люди с сомнительной репутацией и неопределенной профессией.

Тремя месяцами ранее она впервые ступила на мост. Был туман. Первыми, кого она увидела, были продавцы фруктов и овощей с лотками забитыми товаром, освещенные карбидными лампами и окуриваемые дымом. Селяне с побережья. Она и сама была оттуда, пройдя мимо чахлых сосен Литтл Ривер и Мендоцины и холмов Укиахо, поросших кривыми дубами.

Она оглядывается назад, пытаясь осознать увиденное. От горшков торговцев супом поднимался дымок. Со стороны Окленда тянуло неоном. Оба этих запаха смешивались в тумане. Она стояла в тоннеле, крыша которого была скоплением хижин, громоздящихся на тросах, поднимающихся к пилонам моста сложенном из кусков фанеры и мрамора, гофрированный пластик и полированная медь, блестки и пенополистирол, тропические деревья и зеркала, викторианское стекло и поблекший из-за морской соли хром. Вся эта роскошь сложилась волей случая. Сначала она долго стояла и просто смотрела на все это, потом вошла, прошла мимо мальчика, торгующего книгами в суперобложках и кафе, где слепой попугай, привязанный к металлической жердочке, ковырял свежую цыплячью ножку.

Скиннер вынырнул из своих грез о велосипеде, покрытом ракушками, и увидел, что девушка вернулась. Она повесила его кожаную куртку на отведенный ей крючок и села на корточках на простой туристической пенке, служившей ей постелью.

Велосипед. Ракушки.

Воспоминание: Фасс цепляет своей удочкой и вытягивает покрытый водорослями велосипед. Всем весело. Фасс забирает велосипед себе. Позже он построил кафе или скорее пивнушку на 3 табурета. Она далеко выступала за край моста и держалась только на клее и скобах. Он торговал холодными мидиями и

мексиканским пивом. Стены оклеили открытками, а велосипед повесили над стойкой бара. Фасс даже спал за стойкой, пока однажды утром бар вместе с ним не отвалился от моста. На его месте остались только скобы, раскачивающиеся на ветру и несколько досок прибитых к железной стене парикмахерской. Люди приходили, стояли на краю, и смотрели вниз на воду.

Девушка интересуется — не голоден ли он. Он не голоден. Спрашивает — ел ли он. Он не ел. Она открывает низкий металлический сундучок и выбирает консервы. Он смотрит, как девушка качает примус.

Он просит чуть приоткрыть окно. Оно круглое, в дубовой раме и чуть качается от сквозняка. Он предлагает поесть.

Ей хочется рассказать о своем визите в отель, но ей не хватает слов, чтобы описать свои впечатления. Она кормит его супом, ложку за ложкой. Потом помогает ему добраться до старого китайского переносного туалета, стоящего за ситцевой занавеской с розами. Она черпает воду из бака на крыше и выливает её туда. Гравитация довершает процесс. Тысячи длинных гибких трубок, петляя и перекручиваясь, спускаются вниз в чреве моста, выбрасывая жидкие отходы в воды залива.

— Европе… — робко начинает она.

Он поднимает голову, смотрит на неё, у него во рту ложка с супом.

Она чувствует себя круглой дурой. Он глотает суп.

— Европе что? — иногда он проявляет завидную цепкость, когда она задает ему вопросы, но сегодня она не очень понимает, каким должен быть вопрос.

— Париж, — говорит он, и по его глазам видно, что мыслями он далеко отсюда. — Я там был. И в Лондоне тоже. На Грейт-Портланд Стрит. — Он кивает, будто соглашаясь с чем-то. — Перед девальвацией…

Из окна тянуло сквозняком. Она подумала о том, чтобы вылезти на крышу. Подняться на крышу можно по сделанным из доски и покрашенным под цвет стены перекладинам. На одной из них висит полотенце Скиннера. Потом надо отодвинуть засов, поднять головой люк, первое, что ты увидишь там, будет птичьим пометом. На самом деле там нет ничего особенного. Плоская крыша из рубероида, пара вертикальных стоек: на одной висит рваный флаг конфедерации, на другой — потертый оранжевый флюгер.

Когда он опять засыпает, она закрывает примус, отскребает котелок, моет ложку, выливает бульон в унитаз, вытирает посуду и убирает её. Потом она надевает свои высокие кеды и зашнуровывает их, надевает свою куртку и проверяет, как

держится нож, заткнутый за пояс.

Она спускается через люк в полу, нащупывая ногами ступени лестницы. Затем она осторожно, чтобы не разбудить Скиннера, закрывает люк и начинает спускаться по стене пилона, утыканного заклепками, вниз к желтой корзине подъемника. Оглянувшись вверх, она видит кусок стального кабеля в промежутке между комнатой Скиннера и туго натянутой, сверкающей плоскостью пластиковой пленкой, стеной теплицы. В свете галогеновых светильников растения отбрасывают причудливые тени.

Подъемник жалобно скрипит, когда она спускается вниз, мимо проплывает лестница, которой она больше не пользуется, куски пластика, фанеры, листы крашеного металла, выломанные из корпусов сломанных холодильников. Доехав до конца пути, она выбирается из люльки. По направлению к ней по узкому проходу идет сутулый негр в рваном твидовом плаще, Скиннер зовет его Африкой. Он несет детектор чего-то и черную коробку, из которой свешиваются черные и красные провода с зажимами. Сломанная пластиковая оправа его очков перевязана магнитофонной лентой. Проходя мимо неё, он робко улыбается, бормоча что-то о щетках.

Она спустилась вторым лифтом, в стальной клетке, вниз на первый уровень и пошла в сторону Окленда, мимо гардеробов со старой одеждой и одеял, на которых был разложен всякий хлам из города.

Когда она встретила в кофейне Марию Пас, за окнами уже начинал сереть рассвет. Кофейня была похожа на палубу старого парома, широкие ровные доски, покрытые темным потрескавшимся лаком. Казалось, кто-то отпилил кусок от старого, изношенного судна, и привязал его к мосту. (Ближе к Окленду бескрылый остов 747-ого служил кухней для девяти тайских ресторанов.)

У Марии Пас серо-синие глаза и татуировка ласточки на внутренней стороне левой лодыжки. Она курит «Кулс», одну за другой, зажигая их блестящей хромом зажигалкой «Зиппо», которую она достает из ридикюля. Каждый раз, когда она ею пользуется к приятным ароматам кофе и яичницы примешивается острый запах бензина.

Она сидит с Марией Пас, пьет кофе, смотрит на клубы дыма от её сигареты. Она расспрашивает Марию Пас о Скиннере.

— Сколько ему лет? — спросила она.

— Ему… Я не знаю.

— И он живет на седловине кабеля на первом пилоне?

— Да.

— На верху башни… что ты знаешь об этом?

— Нет.

— Он там с тех самых пор, как люди пришли из города и поселились здесь.

— А почему они пришли?

Мария Пас взглянула на неё поверх пламени зажигалки.

— Жить негде было. А мост был закрыт уже три года…

— А куда делись машины?

Мария Пас засмеялась.

— Слишком много машин. Для них прорыли туннель под бухтой. Для машин, для поездов на магнитной подушке… Мост слишком старый. Его закрыли перед девальвацией. Нет денег. Однажды пришли люди. Не было никакого плана, никакого сигнала. Просто пришли. Сначала лезли по сетке. Потом она упала. Блоки сбросили в океан. Полезли на самый верх. Смеркалось, люди были там, на мосту, пели, и весь мир на них смотрел. Японские пневмоподъемники, еда и лекарства. Страна в смятении. Простите, но никаких водометов, — улыбается Мария Пас.

— А Скиннер? Ты думаешь, он тоже пришел тогда?

— Может быть, он и правда такой старый, как ты думаешь. Ты сколько уже живешь на мосту?

— Три месяца.

— А я здесь родилась, — ответила Мария Пас.

Сегодня городам хватает своих собственных проблем. Время было сложное, в США был спад экономики, активно критиковалась сама идея национальных государств. Захватчикам позволили остаться. Среди них нашлось немало предпринимателей, политиков, художников, мужчин и женщин, полных энергии и таланта. Мир заворожено смотрел, как они обустраивались на мосту. Из Японии прибывали морем грузы с клеем. Бельгийские промышленники прислали в подарок целый корабль углепластиковых балок. По стране на раздолбанных грузовиках колесили поисковые команды, возвращаясь нагруженными бракованными стройматериалами.

Мост и его обитатели превратились в аттракцион для туристов.

Она возвращается ранним утром, когда рассвет пробивается сквозь заменяющие стекла куски пластика, подрагивающие на ветру. Мост никогда не спит, но в это время он затихает. Мужчина раскладывает рыбу на деревянной тележке с колотым

льдом. Тротуар под ногами усеян обертками от жвачки и растоптанными окурками. Кто-то где-то что-то поет пьяным голосом. Мария Пас уходит с мужчиной, которого она дожидалась.

Она размышляет об услышанном и пытается представить молодого Скиннера в кожаной куртке, тогда ещё новой и блестящей, среди тех, кто захватил мост той ночью.

Она вспоминает тех европейцев в отеле на Гири.

Дойдя до первого подъемника, клетки из прутьев по сути, она села в неё, облокотившись спиной, и начала подниматься по залатанному туннелю. Мимо неё проплывают крошечные комнатки, в которых проходит частная жизнь её соседей. Наверху, в свете висящего на длинном желтом шнуре светильника, она видит Африку в его твидовом пальто, сидящим на корточках около мотора подъемника. Вокруг разбросаны обрывки промасленной бумаги. Негр сконфуженно смотрит на неё.

— Мне надо было его почистить, — извиняется он.

— Ничего, я залезу, — она идет к лестнице. Скиннер учил её всегда держаться одной ногой и одной рукой на лестнице, не думать, где находишься и не смотреть вниз. Это длинный подъем, наверх, к изгибу гладкого кабеля. Скиннер, должно быть, делал это тысячи раз, не считая ступени и не думая. Она залезает по первой лестнице, и аккуратно, чтобы не упасть, перебирается ко второй, более короткой, которая ведет собственно в комнату.

Скиннер ещё спит, когда она залезает через люк. Она по возможности старается двигаться тихо, но позвякивание заклепок куртки беспокоит его, или пробуждает какие-то воспоминания. Он что-то говорит хриплым спросонья голосом. Ей кажется, что он зовет женщину, но это точно не её имя.

Во сне Скиннера они все бегут вперед на мост, а полиция мешкает и потому отстает. Наверху висят вертолеты новостных служб с камерами и прожекторами. Начинается мелкий дождик. Скиннер крепко хватает сетку своими замерзшими пальцами и начинает забираться на неё. За его спиной толпа своим ревом заглушает мегафоны полиции и национальной гвардии, а Скиннер все лезет и лезет, упираясь своими остроносыми ботинками в ячейки. Он будто стал невесомым и взлетает на бешеной энергетике толпы, на одобрении, идущем от них. Он на вершине на одно бесконечно долгое мгновение. Он словно летит. Он первый. Он на мосту, и он бежит, бежит в сторону Окленда, а за ним толпа валит забор. Капли дождя хлещут по его лицу.

Где-то там, в ночи, на другом конце моста, другие люди сломали такой же забор. На середине моста они встретились, эти две потерявшиеся армии, смешались, слились воедино, взялись за

руки и запели свой странный гимн о том, что нельзя выразить простыми словами.

В сумерках первые люди пошли на штурм опор моста.

Одним из них был Скиннер.

Она как раз варила кофе, когда увидела, что он открыл глаза.

— Я думал, ты не вернешься, — произнес он.

— Я вышла пройтись. Я никуда не уйду. Вот кофе.

Он улыбнулся, глядя вдаль.

— Я вспоминал…

— Вспоминал что?

— Я не все помню… мы пели. Под дождем…

Она принесла ему кофе в тяжелой фарфоровой чашке, его любимой, и помогла ему отпить.

— Скиннер, ты был среди тех, кто пришел тогда из города? Когда захватили мост?

Он странно посмотрел на неё. Кофе попал ему не в то горло, его глаза вылезли из орбит, он закашлялся, вытер рот тыльной стороной руки.

— Да, — ответил он. — Да. Под дождем. Мы пели. Я помню это.

— Ты создал это место, а, Скиннер? Эту комнату? Ты помнишь?

— Нет, — ответил он, — нет… иногда я не могу вспомнить… мы карабкались. Вверх. Мы лезли, а вокруг летали вертолеты. Мы махали им, некоторые люди срывались вниз… у самой вершины. Мы лезли на самый верх…

— И что было дальше?

Он улыбнулся:

— Взошло солнце. Мы увидели город.

Перевод: © Дмитрий Кулаков, Александр Корпусов.
translatedby.com переведено толпой